

Се Синьцзянь остолбенел от неожиданности, не сразу сыскав, что ответить.

Зато Ли Вэньсю насупился и уточнил:

— Неужели без этого никак?

— А вы хотите, чтобы вся съёмочная группа из-за вас ставила смену на повтор? — не церемонясь, отрезал режиссёр Ло. — Времени в обрез. Чуть рассветёт — придётся откладывать на завтра.

Ли Вэньсю выдержал небольшую паузу и кивнул:

— Понял.

— Даю десять минут, — Ло Юаньцзе взглянул на часы. — В два тридцать я за вами приду.

Ли Вэньсю согласился, и режиссёр развернулся. Се Синьцзянь остался стоять на месте в полном ошеломлении.

Постойте... И что им теперь делать?

За массивным кузовом инженерного грузовика шум прибоя заглушался. Факелы на берегу мерцали в отдалении, в ночной прохладе веял бриз, а в небе сыпались частые звёзды.

— Учитель Се, — окликнул его Ли Вэньсю.

— А?! — Се Синьцзянь подскочил, точно кот, которому наступили на хвост.

— Боишься? — тихо спросил Ли Вэньсю.

— Чего мне бояться?! — Ужас стиснул ему горло, но Се Синьцзянь предпочёл хорохориться: — Подумаешь, обычные рабочие издержки!

— Тогда можно я притронусь? — Ли Вэньсю подошёл ближе. Лицо его оставалось спокойным, но в тихом голосе проскальзывала мягкая, цепляющая интонация, от которой у юноши всё переворачивалось в груди.

В Се Синьцяне вдруг разыграло глупое упрямство.

— Тогда и я к тебе притронусь! — выпалил он.

Ли Вэньсю усмехнулся, опустив взгляд:

— С моей стороны было опрометчиво не подумать об этом. Желаете начать первым?

Се Синьцянь онемел.

Кажется, это называлось «загнать самого себя в угол».

— погоди минуточку, — Се Синьцянь вытер ладонь о штанину. Руки у него совсем отсырели от пота.

Спустя пару минут Ли Вэньсю негромко напомнил:

— Учитель Се, у нас всего десять минут, и три из них уже вышли.

— Знаю я! — раздражённо оборвал его Се Синьцянь, сжав зубы. — Тоже мне проблема! За кого ты меня принимаешь?

Ли Вэньсю прислонился к борту грузовика и тихо хмыкнул:

— Что ж, действуй.

«Да пожалуйста!»

Се Синьцянь шагнул вперёд и дотронулся до правой руки Ли Вэньсю.

— Ты ведь понимаешь, о каком именно месте говорил режиссёр Ло? — уточнил тот.

— Разумеется! — огрызнулся юноша. — Я просто... привыкаю.

— Ну и как, — Ли Вэньсю мягко перехватил его запястье, — привык?

Се Синьцянь окончательно лишился дара речи.

К подобному вообще возможно привыкнуть?!

Чёрт возьми, как он только ухитрился оказаться в такой ситуации?!

Всё равно что провалить экзамен и остаться на принудительные пересдачи с учителем!

И ведь не отвертись: на острове Вэйхай рассветает рано, лишнего времени у них действительно нет.

Се Синьцзянь глубоко вздохнул, собираясь с духом, чтобы сделать всё наобум, но Ли Вэньсю, не предупреждая, сам коснулся того самого места, о котором говорил Ло Юаньцзе.

Парень вздрогнул. В темноте его глаза округлились, он замер, боясь шелохнуться.

— Тише, мы же договорились, — шепнул ему на ухо Ли Вэньсю, ладонью заслоняя ему глаза. — Осталось всего пять минут...

На Пятицветный пляж накатила очередная волна, затопив прибрежный песок.

— Порядок? — спустя десять минут режиссёр Ло заглянул за грузовик.

Ответа не последовало, однако, взглянув на их вид, Ло Юаньцзе понял: они готовы.

В два часа сорок минут ночи шестьдесят девятую сцену «Долгого лета» с третьей попытки успешно отсняли.

Се Синьцзянь потом ещё долго старался не вспоминать тот сумбур. Ему казалось, будто он полностью утратил контроль над собственным телом, а изнутри захлестнула небывалая, удушливая волна чужих эмоций...

Се Синьцзянь перевернулся на кровати и уткнулся лицом в подушку.

Хоть Ли Вэньсю уже выехал, сменить постельное бельё пока не успели, и в воздухе до сих пор витал еле уловимый древесный аромат.

Окружённый этим запахом, Се Синьцзянь поддался подступившей истоме и наконец погрузился в полудрёму.

Ему снился Пятицветный пляж: изящные, с длинными точеными пальцами руки Ли Вэньсю, неустанный прибой и факелы, расцветающие огненными бутонами во тьме.

Он проспал до самого вечера. Чжоу Мин принёс еду и, не дождавшись ответа на стук, поднял его звонком.

— Сяо Се-гэ, ты даёшь, ну и дрыхнуть! — донёсся из трубки голос Чжоу Мина. — Ещё немного,

и я бы решил, что с тобой что-то стряслось.

— Встал уже, — прохрипел Се Синьцяннь со сна.

— Отлично, я у двери, принёс ужин. Открой!

Поскольку раньше здесь жил Ли Вэньсю, дубликат карточки лежал у него, а после его отъезда Чжоу Мин ещё не успел забрать ключ обратно.

Се Синьцяннь кое-как сполз с кровати, но стоит ему откинуть одеяло, как он тут же застыл.

Опустив взгляд, он обнаружил на чёрных пижамных штанах расплывшееся влажное темное пятно.

Се Синьцяннь замер на пару секунд, а когда до него дошёл смысл произошедшего, на него напал настоящий столбняк.

После той сцены с поцелуем съёмочная группа «Долгого лета» с изумлением заметила: прежде безупречные, почти неразлучные отношения двух главных актёров вдруг заметно охладились.

Раньше после съёмок они постоянно о чём-то беседовали, да и без слов между ними ощущалась нескрываемая теплота.

Теперь же они избегали разговоров, а за обедом садились порознь. Если ситуация вынуждала контактировать, оба держались сдержанно и отстранённо, будто едва знакомые коллеги по цеху.

Расспрашивать никто не решался, рабочий процесс шёл своим чередом.

Удивительно, но внешняя отчуждённость несколько не вредила делу. В совместных чувственных сценах их игра стала даже более убедительной.

Никакой приторности — лишь чистая, зашкаливающая химия.

По сюжету наступила середина картины, и Ло Юаньцзе заготовил немало романтических эпизодов.

Бай Цзиннянь и Тан Фэн плавали в море, катались на велосипедах по прибрежному шоссе, валялись на диване с книгой... Когда в дверь кто-то стучал, ни один не хотел вставать, и они

выдумывали кучу нелепых предлогов, чтобы выпроводить другого... Мелочи, простые бытовые сценки, однако в их исполнении каждая наполнялась искренней радостью.

Впрочем, не обходилось и без размолвок.

К примеру, купив свежих морепродуктов, они вознамерились приготовить ужин самостоятельно, но оба оказались никудышными кулинарами и разгромили всю кухню.

— Ты же сам уверял, что умеешь готовить!

— Я думал, что умею! Откуда мне было знать, что у панциря этих крабов такая броня?!

— Зачем тогда было хвастаться?! Я же предлагал пойти в ресторан, а ты... м-м...

— Тише, не кипятись, — Тан Фэн прижал Бай Цзинняня к дверце холодильника и поцеловал прямо посреди пропитавшейся гарью кухни. — Пойдём поедим где-нибудь, идёт?

Бай Цзиннянь сперва сопротивлялся — всё-таки виноват был Тан Фэн.

Возвращаясь с побережья, они встретили торговца рыбой, и Тан Фэну взбрело в голову устроить домашний ужин. Готовить они не умели вовсе — даже с вареньем из мушмулы в прошлый раз промучились полдня.

Но Тан Фэн наплетал с три короба, Бай Цзиннянь уступил, купил гору морепродуктов — и всё впустую, только зря испортил себе настроение.

Сам бездарь, а всё туда же — козырять перед ним!

Бай Цзиннянь злился всюду, но поцелуи Тан Фэна дарили такое блаженство, что пыл быстро угас. В конце концов он обмяк, с влажными от чувств глазами уткнулся подбородком ему в плечо и лениво пробормотал:

— Тогда ресторан выбираю я.

Тан Фэн, разумеется, спорить не стал.

Бай Цзиннянь выбрал заведение на старой улочке острова Вэйхай.

Эта торговая улица ютилась в естественной бухте, повторяя изгиб береговой линии в форме полумесяца. Дорога вилась у подножия холма, обрамлённая лавками, рыбным и фермерским рынками.

В предзакатных лучах улочка купалась в мягком янтарном свете, дыша уютом и живой суетой.

В местном ресторанчике предлагали услугу приготовления купленных морепродуктов. К тому моменту, как они закончили выбирать еду, за столами собралось прилично народу — в основном приезжие туристы.

Когда они расплатились и вышли, солнце уже окончательно скрылось.

Бай Цзиннянь и Тан Фэн неторопливо прогуливались под перламутрово-розовым небом. Поравнявшись с небольшим баром, они решили зайти пропустить по коку.

Бар выходил окнами прямо на море. За столиками негромко беседовали немногие посетители, а со сцены доносилось живое пение.

Вскоре музыкант закончил сет и удалился, а из колонок заиграла фоновая музыка.

Посидев немного, Тан Фэн поднялся к стойке и спросил у бармена, можно ли ему спеть. Получив добро, он поднялся на подмости.

Его статная фигура и яркая внешность мгновенно привлекли внимание публики; кто-то даже подбадривающе свистнул.

Тан Фэн ничуть не смутился: открыто улыбнувшись, он уселся на высокий табурет и отрегулировал высоту микрофона.

— Что собрался петь? — окликнул его Бай Цзиннянь.

— А что ты хочешь услышать?

Бай Цзиннянь помедлил и качнул головой:

— Если скажу заранее, будет неинтересно.

Тан Фэн рассмеялся:

— Что ж, сам лишил себя права выбора.

Из зала кто-то выкрикнул:

— А заказы принимаются?!

— Прошу прощения, но эта песня предназначена лишь для одного человека, — мягко отказал Тан Фэн.

Мужчина не обиделся и вернулся к беседе с друзьями.

— Красавчик, что исполнять будем? — поинтересовался хозяин бара. — Я поставлю минус.

Тан Фэн огляделся и спросил:

— Не одолжите гитару?

Владелец охотно согласился.

Тан Фэн пробежался пальцами по струнам. Из-под его рук вырвался чистый, мелодичный перебор — сразу видно, за инструмент он взялся далеко не впервые.

Здесь, на затерянном в юго-западных водах островке, в полупустом баре на старой улочке, он сидел напротив и пел лично для него.

«Если б не встретила тебя,

Кем бы я стала в этом мире?

Как протекали б мои дни,

И ценила ли б я жизнь?..»

Это была знаменитая «Я забочусь только о тебе» Дэн Лицзюнь.

Тан Фэн в белоснежной рубашке, поставив одну ногу на перекладину табурета, пел звонким, проникновенным голосом, а его нежный взгляд словно рассказ повествовал о чём-то сокровенном.

«Пусть неумолимо время мчится,

Лишь тобой дышу я и живу.

Счастье — встретить душу родную,

И за это жизнь отдать не жаль...»

Несмотря на возраст, в тот миг Бай Цзиннянь отчетливо разглядел в Тан Фэне чистый юношеский задор.

«Один лишь миг без тебя — и нет сил,

Умоляю, не оставляй меня!

Ведь кроме тебя в целой вселенной

Ничто мне не мило...»

Они не признавались друг другу в любви, не давали клятв и не связывали себя обещаниями. Но именно сейчас Бай Цзиннянь с абсолютной ясностью осознал: Тан Фэн любит его всем сердцем.

К концу съёмок музыкального эпизода стемнело окончательно. Питьевая вода у группы подошла к концу, и ассистента отправили в лавку, однако тот застрял минут на двадцать. На вопрос о задержке парень признался, что плутал впотьмах среди запутанных переулков.

Ло Юаньцзе молча переварил информацию и неожиданно объявил, что снимает ещё одну сцену.

Се Синьцян уже успел устроиться в микроавтобусе, но, услышав оклик, вынужден был вернуться.

Ли Вэньсю стоял неподалёку. Их взгляды пересеклись и тут же скользнули в стороны — оба хранили молчание.

Режиссёр Ло объяснил задачу. Слушая его, Се Синьцян насупился, но возражать не стал.

— Справитесь? — спросил Ло Юаньцзе.

Се Синьцян подтвердил готовность, а Ли Вэньсю спорить тем более не собирался.

Незапланированная сцена состояла из одного лишь поцелуя — без реплик, но с экспрессивной, почти дикой пластикой.

По сюжету ночная улочка утопала во тьме, и герои, выходя из бара, теряли друг друга из виду. Бай Цзиннянь брёл в одиночестве по незнакомому переулку, пытаясь найти дорогу, как вдруг Тан Фэн рывком увлекал его в тёмный тупик и жадно припадал к губам.

Хлопнула хлопушка-нумератор.

Ли Вэньсю сходу затянул Се Синьцяня в подворотню и с грубоватой страстью прижал к каменной стене.

За два месяца съёмок они безупречно изучили тела друг друга, и их поцелуй в темноте выходил густым и слинным — куда более пылким, чем у настоящих любовников.

Сцена завершилась, Ло Юаньцзе просматривал дубль у монитора, а Ли Вэньсю и Се Синьцянь всё ещё оставались в тени переулка. Их губы расцепились, оба тяжело, прерывисто дышали.

— Эта парочка с каждым днём выдаёт всё больше огня, — шепнула Чжао Сыци, обращаясь к Чэн Лисюэ. — А я-то думала, раз они в жизни почти не общаются, в кадре появится фальшь. Но какова химия!

Чэн Лисюэ задумалась и ответила:

— Похоже, именно из-за такой запредельной химии в кадре они и держат дистанцию вне съёмочной площадки.

Чжао Сыци не сразу поняла:

— Это ещё почему?

— Иначе рискуют заиграться и не выйти из образа.

— Вот оно что! — озарило Чжао Сыци.

Значит, Се Синьцянь и Ли Вэньсю вовсе не в ссоре — просто изо всех сил сдерживают себя!

И тут ей в голову весьма некстати, но вполне закономерно пришёл известный вопрос с интернет-форума:

«Правда ли, что парни во время поцелуя всегда лапают девчонок спереди?»

Чжао Сыци подняла взгляд и, смерив глазами ладонь Ли Вэньсю, покоящуюся на теле Се Синьцяня, понимающе ухмыльнулась.

Да, абсолютно всегда. И неважно, парень перед тобой или девушка.

<http://bllate.org/book/19727/1985752>